

Научная статья

Научная специальность

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки (юридические науки)»

УДК 347.4

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.3.48>

РЕСТИТУЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

© Вахитов М. Г., 2025

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Исследуется институт реституции в том виде, в котором он в настоящее время существует в праве Российской Федерации. Кратко описывается генезис понятия реституции и специфика ее понимания, сформированная отечественными правоведом. Изучаются публично-правовой и частноправовой аспекты понимания реституции на разных этапах ее исторического развития. Рассматриваются правовые задачи, для решения которых применяется институт реституции. Кратко проанализирована схожесть институтов реституции и конфискации. Сформулирован вывод о частичной утрате реституцией преимущественной публично-правовой функции в пользу защиты частноправовых интересов. Определено понятие реституции, отвечающее сделанным в статье выводам.

Ключевые слова: последствия недействительности сделки, реституция, недопущение реституции, публичное право, конфискация.

RESTITUTION IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, LEGAL NATURE

© Vakhitov M. G., 2025

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article examines the institution of restitution in the form in which it currently exists in the law of the Russian Federation. It briefly describes the genesis of the concept of restitution and the specifics of its understanding, formed by domestic legal scholars. The public-law and private-law aspects of understanding restitution at different stages of its historical development are studied. The legal tasks for which the institution of restitution is applied are analyzed. The similarity of the institutions of restitution and confiscation is briefly analyzed. A conclusion has been made about the partial loss of restitution's predominant public-law function in favor of protecting private-law interests. A concept of restitution has been formulated that corresponds to the conclusions made in the article.

Keywords: consequences of failure to complete a transaction, restitution, non-admission of restitution, public law, confiscation.

Реституция – один из классических институтов гражданского права, берущий свои корни из права Древнего Рима. Вместе с тем, несмотря на богатую историю изучения этого института, по настоящее время среди ученых ведутся дебаты относительно природы и сущности реституции. Статьи о правовой природе реституции выходят по настоящее время, что свидетельствует о непрекращающемся интересе исследователей к этой теме.

К примеру, на отсутствие единства в понимании реституции ссылается в своей статье Н. М. Лакоценина. Она же выводит свое понимание реституции – с ее точки зрения, это «совокупность правовых норм (процедур),

одна из форм реализации основного гражданско-правового принципа “восстановление первоначального положения”, предписывающих порядок возвращения сторон в первоначальное положение, это деятельность управомоченных государственных органов и их должностных лиц, а также участников недействительной сделки и третьих лиц по приведению в первоначальное имущественное положение участников незаконной сделки посредством возврата переданной вещи в натуре или возмещения ее стоимости» [10, с. 42].

Н. М. Лакоценина, однако, в попытке объять все возможные грани понимания реституции, по нашему мнению, допустила смешение пони-

мания реституции как правового средства для возврата сторон в первоначальное положение и фактических мероприятий, непосредственно направленных на возврат стороне переданного или компенсации стоимости переданного. С ее точки зрения, реституция есть комплексное, родовое понятие, однако смешивание в одном понятии нормативного аспекта и фактического исполнения, с нашей точки зрения, создает путаницу и громоздкость.

Д. Е. Еременко и И. А. Тюменцев также указывают на наличие многочисленных споров относительно понимания реституции в отечественном праве. Авторы сводят большинство споров о реституции к трем основным вопросам:

- место двусторонней реституции в системе имущественных правоотношений;
- публичный или частный характер двусторонней реституции;
- место двусторонней реституции в системе мер гражданско-правового принуждения [7, с. 121].

В настоящей работе исследованию подлежит второй вопрос – какой характер имеет двусторонняя реституция в современном законодательстве Российской Федерации.

Статья 167 Гражданского кодекса РФ устанавливает в качестве основного последствия недействительности сделок обязанность каждой из сторон возвратить другой все полученное по сделке, а при невозможности возврата полученного в натуре – возместить стоимость полученного¹. Из ряда положений специального законодательства становится ясно, что возврату подлежит, прежде всего, переданная вещь, а вместе с ней передается комплекс прав, связанных с этой вещью. В данный комплекс прав необязательно должно входить право собственности – к примеру, ст. 75 Жилищного кодекса РФ предусматривает в качестве одного из последствий недействительности сделки по обмену жилыми помещениями переселение сторон в ранее занимаемые ими жилые помещения². Очевидно, в таком случае передаются правомочия владения и пользования имуществом.

Как известно, на ранних этапах своего развития реституция использовалась преторами для аннулирования договора и освобождения сторон от исполнения. Тем самым в римском

праве реституция рассматривалась как инструмент восстановления первоначального положения, существовавшего до совершения сделки, либо как инструмент исправления ошибок, допущенных при ее совершении [14, с. 274]. Применение претором *restitutio in integrum* не могло осуществляться исключительно по формальным признакам, но требовало как наличия несправедливого деяния в отношении защищаемого лица, так и осуществления таким лицом своего права без противоречия с его назначением и без собственных правонарушений. В указанных ограничениях усматриваются схожести с современной правовой возможностью недопущения применения реституции.

Отдельные исследователи утверждают, что публичный элемент являлся неотъемлемой частью реституции с момента ее зарождения, без привязок к конкретным временным рамкам. С. С. Желонкин отсылает к словам Папиниана, отмечавшего, что реституция существует «для содействия гражданскому праву или для его дополнения или исправления в целях общественной пользы» [8, с. 35]. Учитывая тот факт, что *restitutio* в римском праве выполняло роль меры преторского воздействия на общественные отношения для защиты слабой стороны сделки, такая позиция представляется в большей степени обоснованной.

Сразу стоит оговорить, что реституция как акт административного вмешательства в общественные отношения не может не иметь публичного характера.

Исторически взгляды на правовую природу реституции менялись. Каноническое право сохраняло смысл реституции как акта аннулирования договора, но лишило ее статуса исключительной для применения меры защиты прав, сделав обычным способом защиты. Кроме того, реституция применялась преимущественно для отмены судебных решений, но не для оспаривания сделок [14, с. 277 со ссылкой на сочинения В. Боярски и В. К. Кивера].

Классическая отечественная правовая теория рассматривает недействительную сделку как подвид правонарушения, соответственно, реституция выступает в качестве разновидности санкции за правонарушение. Д. О. Тузов уверенно придерживается позиции о том, что *restitutio* в правопорядке Российской империи, а также в законодательстве зарубежных стран никогда не являлось самостоятельным способом определения дальнейшей судьбы имущества, полученного по недействитель-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. 5 дек.

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1).

ной сделке. Указывается, что зарубежные – в особенности эволюционировавшие из континентального права – правопорядки в качестве инструментария возврата стороне переданного по недействительной сделке предусматривали либо виндикацию (если была передана индивидуально-определенная вещь), либо же кондикцию (если передавалась вещь, определяемая родовыми признаками) [14, с. 281].

Позиции о неправомерной сделке как о подвиде правонарушения придерживалась и советская теория сделок, резко негативно воспринимавшая недействительные сделки как «пережиток капитализма» и стремившаяся устранить негативные последствия таких сделок. К примеру, советское законодательство предусматривало обязанность суда применить реституцию при защите публичных интересов, вне зависимости от действительно заявленных сторонами исковых требований¹. Как отмечает Д. О. Тузов, советское право предусмотрело совершенно новую для гражданского права карательную санкцию – обращение в доход государства всего полученного по недействительной сделке [Там же, с. 286].

В ситуациях, когда конфискация не предполагалась или же предполагалась лишь для одной из сторон, именно советское законодательство начинает выделять реституцию не столько в качестве акта аннулирования сделки, сколько как особый способ непосредственного воздействия на имущественные отношения. Именно так советские правоведы толковали положения ст. 148–151 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. [напр., 2, с. 46, 50; 6, с. 192]. Положения о реституции содержались и в ГК РСФСР 1964 г., именно там зародился ряд новелл, которые впоследствии перешли в современные редакции Гражданского кодекса РФ, например, об обязанности стороны возместить стоимость полученного по сделке при невозможности его возврата в натуре.

Однако, говоря о реституции в советском праве, даже с учетом уровня воздействия государства на экономические правоотношения в этот исторический период, уже имеет смысл рассматривать реституцию как отдельный способ возврата имущества, полученного по сделке, а не как административный акт, непосредственно отменяющий недействительную сделку.

¹ Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. (утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).

При этом реституция в советский период весьма тесно связана с таким методом защиты публичного интереса, как конфискация. В особенности это прослеживается в механизмах односторонней реституции и недопущения реституции. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал взыскание в доход государства любого неосновательного обогащения, полученного по сделке (ст. 147, 149, 150), в частности, это касалось сделок, противоречащих нормам законодательства². Кроме того, в случае признания недействительной сделки, совершенной под влиянием обмана, заблуждения или вследствие злонамеренных действий другой стороны, применялась односторонняя реституция в пользу потерпевшей стороны – но все, что потерпевшая сторона в результате получила неосновательно, взыскивалось в доход государства. По мнению Д. О. Тузова, эти мероприятия явно не преследовали цель предоставить сторонам недействительной сделки новое средство защиты их прав и интересов. Фактически односторонняя реституция и недопущение реституции подменяли собой институт конфискации при недействительности сделок. Указанное достаточно четко свидетельствовало о направленности реституции, прежде всего, на достижение публично-правового интереса.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. в целом сохраняет возможность применения конфискации к одной или обеим сторонам сделки при оспаривании сделки как противоречащей нормам законодательства либо при очевидно недобросовестном поведении другой стороны (ст. 48, 58 ГК РСФСР 1964 г.).

Согласно позиции Д. О. Тузова, с отсылками на Г. Н. Амфитеатрова, О. С. Иоффе и других правоведов советского периода, применение реституции в соответствии с приведенными статьями исключало применение как виндикации, так и кондикции [Там же, с. 286]. Более того, как отмечают Д. Е. Еременко и И. А. Тюменцев, именно советское право придало реституции самостоятельное значение в виде последствия недействительности сделок [7, с. 119]. Д. О. Тузов же указывает, что именно советское законодательство в принципе сформулировало такое понятие, как «последствие недействительности сделки», датируя это событие 1944 г. [14, с. 286]. Вместе с тем советские ученые не мыслили реституцию в том же ключе, что и со-

² Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание Узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 (утратил силу).

временное законодательство РФ. Так, Д. М. Генкин отмечал, что «изъятие в доход государства определяется не правилами о реституции (виндикации), вытекающими из неосновательного обогащения, а положениями, вытекающими из правовой сущности конфискации» [6, с. 52, 54]. Своеобразным подведением черты под публично-правовым характером реституции в советский период является позиция Т. И. Илларионовой, согласно которой реституция – мера, которая охраняет порядок, направленный на восстановление имущественного положения «субъекта (субъектов), существовавшее до совершения сделки, даже если это и не отвечает его настоящим интересам» [9, с. 11, 41].

Поскольку подход отечественного законодателя во многом является плодом эволюции советского права, советский штрафной подход к реституции явно повлиял на составителей Гражданского кодекса РФ. В соответствии с п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса РФ, стороны недействительной сделки обязаны возратить друг другу все полученное по такой сделке, либо возместить его стоимость, за исключением случаев, когда иные последствия недействительности сделки предусмотрены законом. С момента формирования гражданского права Российской Федерации и по настоящее время толкующие указанную норму правоведы в основном рассматривают реституцию как специальный способ возврата имущества, по аналогии с виндикацией или кондикцией [12, с. 35]. Подобная позиция, например, следует из ранее упомянутого толкования реституции как комплексного института, сделанного Н. М. Лакоцениной.

Д. О. Тузов указывал следующее: «Такое размещение и содержание нормативного материала в действующем ГК могут привести к выводу, что... реституция, таким образом, является самостоятельной охранительной мерой, отличной от иных гражданско-правовых мер, в том числе от виндикации и кондикции» [14, с. 287].

Л. А. Лушина, анализируя нормы советского законодательства, а также положения п. 4 ст. 166 Гражданского кодекса РФ, указывает на наличие в современной конструкции реституции весьма значительного публичного элемента [11, с. 122]. Действительно, возможность судов по собственной инициативе применять реституцию по отношению к сторонам ничтожной сделки сигнализирует о прямой заинтересованности публичной власти в отмене экономического эффекта некоторых сделок для общественного блага, а именно для защиты ин-

тересов неопределенного круга лиц, обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, охраны окружающей среды и так далее. Для отдельных случаев оспаривания сделок (пример – сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или иного злонамеренного поведения другой стороны) ст. 179 Гражданского кодекса РФ допускает использование конструкции, называемой односторонней реституцией – когда лишь одна из сторон сделки возвращает все полученное по ней. Поскольку такие сделки часто квалифицируются как посягающие на публичные интересы (например, п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусматривает в качестве таковых сделки, нарушающие явно выраженный запрет, установленный законом), по смыслу п. 4 ст. 166 ГК РФ, суды имеют право применить к имуществу, переданному пострадавшей стороне, правило о недопущении реституции и обратить указанное имущество в доход государства¹.

Тем не менее далеко не все правоведы согласны с преимущественно публично-правовым характером реституции. К примеру, Е. А. Суханов отмечает основной целью и задачей реституции защиту частных интересов сторон недействительной сделки [4, с. 294]. В целом не до конца ясно, каким именно образом возврат сторонам всего полученного по сделке отвечает публично-правовым интересам. Более того, основной субъект публичных отношений в лице государства, очевидно, должен быть заинтересован в сохранении сделки в большинстве случаев – ведь таким образом государство обеспечит стабильность гражданско-правового оборота. Исключением могут являться сделки, совершенные с публично-правовым субъектом – в таком случае публичный интерес в возврате переданного по сделке представляется очевидным. Тот факт, что Российская Федерация, равно как и ее субъекты, и муниципальные образования, действует в гражданско-правовых отношениях как равноправный с остальными участниками оборота субъект, не умаляет публично-правового характера ее деятельности – в том числе и при участии в обороте.

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. № 140 (6711).

В целом оспаривание сделок и их аннулирование являются, с достаточной степенью очевидности, крайне нежелательными событиями. Д. И. Мейер отмечал, что сделку нельзя признавать недействительной без крайней необходимости. Такой же позиции придерживается и К. И. Скловский. Он полагал, что практика оспаривания судами сделок при наличии лишь небольших, формальных оснований является порочной и, безусловно, вредной для гражданского оборота [13, с. 109]. Вместе с тем позиция К. И. Скловского все же характеризует реституцию как инструмент защиты, прежде всего, гражданско-правового оборота, но не частно-правовых интересов. Гражданско-правовой оборот, в свою очередь, относится к общим, публичным интересам, что, с точки зрения ученого, однозначно обуславливает публично-правовой характер реституции. Он также отмечает: «Имущество, переданное по недействительной сделке, возвращается только потому, что сделка оказалась недействительной, а не потому, что одна из сторон сохранила на него право» [Там же, с. 108].

Е. И. Афолина и Ю. В. Ширвис однозначно говорили о том, что реституция (как и недействительность сделок в принципе) – крайняя мера, которую стоит применять при нарушении закона, отсутствии иного способа защиты и отсутствии других последствий нарушения [1, с. 70].

Указанное, по нашему мнению, само по себе характеризует реституцию как инструмент, не являющийся исключительно публично-правовым. Более того, в отдельных случаях применения двусторонней реституции может возникнуть ситуация, при которой государство также становится обязанным по отношению к другой стороне сделки, что далеко не всегда отвечает публично-правовым интересам.

Представляется, что недопущение реституции по своей правовой конструкции по-прежнему имеет существенное сходство с другим институтом защиты публично-правовых интересов – конфискацией и в гораздо большей степени служит публичным интересам, нежели ее применение. Данный механизм, предусмотренный п. 4 ст. 167 Гражданского кодекса РФ, предусматривает право суда в случаях, предусмотренных законом, при нарушении сделкой основ правопорядка или нравственности обратиться все полученное обеими сторонами сделки в доход государства.

С развитием отечественного законодательства неоднократно предпринимались – и предпринимаются – попытки отойти от публично-го и даже, в некотором смысле, карательного характера реституции. Существенным шагом в этом направлении можно признать Концепцию развития гражданского законодательства РФ от 7 октября 2009 г. Пункт 5.1.3. Концепции подразумевал возможность ограничения существовавшего на тот момент полномочия суда на применение последствий недействительности ничтожной сделки¹. В тексте Концепции ее авторы также ясно выразили мнение о преимущественно частноправовом характере последствий недействительности сделки, включая реституцию. Это следует из положения, закрепленного в п. 5.1.3 разд. II: «Применение последствий недействительности сделки является субъективным правом, принадлежащим лицам, права и законные интересы которых защищаются путем реализации этого права. Участники гражданских правоотношений свободны в осуществлении своих прав».

Важно отметить, что это изменение нашло свое отражение в Гражданском кодексе РФ введением в ст. 166 п. 4, который ограничивает право суда применить последствие недействительности ничтожной сделки только случаями, когда сделка посягает на публично-правовой интерес либо когда такое полномочие суда прямо предусмотрено законом.

Отдельные авторы, однако, по настоящее время полагают, что наличие у суда права самостоятельно применять реституцию в отдельных случаях признания сделок недействительными само по себе свидетельствует об исключительно публичном характере реституции, о том, что она остается конструкцией *sui generis* [3, с. 487].

Необходимо также отметить, что не все положения Концепции, направленные на придание институту реституции частноправового характера, были введены в законодательство. К примеру, п. 7.1 Концепции предусматривал широкую вариативность для сторон в разрешении конфликтов, связанных с недействительностью (ничтожностью) сделок: возможность сторон заключить соглашение о возврате друг другу полученного по ничтожной сделке при допуске реституции только в неисполненной части.

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

Вместе с тем выводы о том, что реституция носит преимущественно публично-правовой характер, основанные на том, что сделка может быть оспорена не только ее сторонами, не представляются верными. Учитывая озвученную выше позицию К. И. Скловского о защите, прежде всего, гражданско-правового оборота, нужно отметить, что как оспаривание сделки, так и применение последствий недействительности ничтожной сделки в подавляющем большинстве случаев осуществляются судом не самостоятельно, но по заявлению одной из сторон дела, будь то сторона сделки или же третье лицо, чьи права или законные интересы этой сделкой нарушаются.

Следовательно, осуществляемая по результатам оспаривания сделки реституция служит, прежде всего, не для стабилизации оборота, а для достижения конкретных целей конкретными участниками оборота. Сохранившиеся публично-правовые элементы реституции раскрываются преимущественно в делах о несостоятельности, которые сами по себе носят в первую очередь публично-правовой характер.

Результаты проведенного исследования показывают, что с развитием гражданско-правового оборота реституция постепенно утрачивает свое публично-правовое значение и все больше трансформируется в институт частноправовой защиты, постепенно утрачивая свою публично-правовую значимость. Представляется, что именно такая эволюция взглядов на реституцию является источником многочисленных споров о месте реституции в отечественном праве. В частности, спор о соотношении реституции и более классических, притом очевидно частноправовых методов возврата необоснованно полученного – виндикации или истребования неосновательного обогащения – вызван этой причиной, поскольку основан на пересечении сфер действия различных правовых норм.

В нашем понимании реституция в ее текущем состоянии есть специальный частноправовой метод защиты интересов сторон недействительной сделки или третьих лиц, чьи права нарушаются заключением или исполнением указанной сделки, выраженный в возврате сторонам всего переданного по сделке либо в компенсации стороне стоимости переданного по сделке. 

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонина Е. И., Ширвис Ю. В. Проблемы применения норм о недействительности сделок // Вестник ФАС Северо-Кавказского округа. 2005. № 5. С. 70–89.
2. Амфитеатров Г. Н. Война и вопросы виндикации // Ученые записки ВИЮН. Вып. 3 / под ред. И. Т. Голякова. М., 1944. С. 44–60.
3. Воробьева А. А. Правовая природа реституции как последствия недействительности договора: сравнительно-правовое исследование // Аллея науки. 2017. № 12, Т. 2. С. 484–487.
4. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. 576 с.
5. Генкин Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки ВИЮН. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. Вып. 5. С. 40–57.
6. Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М. : Госюриздат, 1961. 223 с.
7. Еременко Д. Е., Тюменцев И. А. Подходы к понятию и правовой природе реституции как последствия недействительности сделок // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 118–123.
8. Желонкин С.С. К вопросу о правовой природе двусторонней реституции, как общем последствии недействительности сделок // Современная наука. 2010. № 1. С. 33–38.
9. Илларионова Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер : учеб. пособие / отв. ред. Кириллова М. Я. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. 76 с.
10. Лакоценина Н. М. Институт реституции в российском гражданском праве // Современный юрист. 2023. № 3. С. 42–52.
11. Лушина Л. А. К вопросу о понятии и правовой природе реституции в гражданском праве // Журнал юридических исследований. 2016. № 3, т. 1. С. 121–129.
12. Скловский К. И. Защита владения, полученного по недействительной сделке // Хозяйство и право. 1998. № 12. С. 34–38.
13. Скловский К. И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 108–122.
14. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М. : Статут, 2007. 602 с.

REFERENCES

1. Afonina E.I., Shirvis U.V. Problemy primeneniya norm o neideistvitelnosti sdelok [Problems of application of the rules on non-conclusion of transactions]. *Vestnik Federalnoy antimonopol'noy sluzhby Severo-Kavkazskogo okruga* [Bulletin of the Federal Antimonopoly Service of the North Caucasus District], 2005, no. 5, pp. 70–89. (in Russian)
2. Amfiteatrov G.N. Voyna i voprosy vindikatsii [War and questions of vindication]. *Scientific notes of VIYUN*. Ed. I.T. Golyakov. Moscow, 1944, pp. 44–60. (in Russian)
3. Vorobyova A.A. Pravovaya priroda restitutsii kak posledstviya neideistvitelnosti dogovora: sravnitel'no pravovoe issledovanie [The legal nature of restitution as a consequence of invalidity of a contract: a comparative legal study]. *Alleya nauki* [The Valley of science]. 2017, no. 12, vol. 2, pp. 484–487. (in Russian)
4. *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. Textbook in 4 vols. Ed. E.A. Sukhanov, Moscow, Statut Publ., 2019, 576 p. (in Russian)
5. Genkin D.M. Neideistvitelnost sdelok, sovershennykh s tselyu, protivnoi zakonu [Invalidity of transactions concluded for purposes contrary to law]. *Uchenye zapiski VIYUN* [Scientific notes of the All-Union Institute of Legal Sciences]. Moscow, Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1947, no. 5, pp. 40–57. (in Russian)
6. Genkin D.M. *Pravo sobstvennosti v SSSR* [Ownership rights in the USSR]. Moscow, State Law Publ. House, 1961, 223 p. (in Russian)

7. Eremenko D.E., Tyumentsev I.A. Podkhody k ponyatiyu i pravovoi prirode restitutsii kak posledstviya nedeistvitelnosti sdelok [Approaches to the concept and legal nature of restitution as a consequence of invalidity of transactions]. *Yuridicheskaya nauka* [Law science], 2023, no. 11, pp. 118-123. (in Russian)

8. Zhelonkin S.S. K voprosu o pravovoi prirode dvustoronnei restitutsii, kak obshchem posledstviy nedeistvitelnosti sdelok [On the issue of the legal nature of bilateral restitution as a general consequence of invalidity of transactions]. *Sovremennaya nauka* [Modern science], 2010, no. 1, pp. 33-38. (in Russian)

9. Illarionova T.I. *Mekhanizm deistviya grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer* [The mechanism of action of civil-law protective measures]. Study guide. Ed. Kirillova M.Ya. Sverdlovsk, Publ./house of the Ural University, 1980, 76 p. (in Russian)

10. Lakotsenina N.M. Institut restitutsii v rossiiskom grazhdanskom prave [The Institute of restitution in Russian Civil Law]. *Sovremennyi yurist* [Modern Lawyer], 2023, no. 3, pp. 42-52. (in Russian)

11. Lushina L.A. K voprosu o ponyatii i pravovoi prirode restitutsii v grazhdanskom prave [On the issue of the concept and legal nature of restitution in civil law]. *Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy* [Journal of Legal Studies], 2016, no. 3, vol. 1, pp. 121-129. (in Russian)

12. Sklovskii K.I. Zashchita vladeniya, poluchennogo po nedeistvitelnoi sdelke [Protection of possession obtained through an invalid transaction]. *Khozyaistvo i pravo* [Economy and law], 1998, no. 12, pp. 34-38. (in Russian)

13. Sklovskii K.I. Nekotorye problemy restitutsii [Some problems of restitution]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2002, no. 8, pp. 108-122. (in Russian)

14. Tuzov D.O. *Teoriya nedeistvitel'nosti sdelok: opyt rossiiskogo prava v kontekste evropeiskoi pravovoi traditsii* [Theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition]. Moscow, Statut Publ., 2007, 602 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 21.08.2025; принята к публикации 03.09.2025

Received on 22.06.2025; approved on 21.08.2025; accepted for publication on 03.09.2025

Вахитов Максим Григорьевич – аспирант, Институт права, Челябинский государственный университет (Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129), РИНЦ Author ID: 1223602, ORCID: 0009-0009-0043-155X, e-mail: vakhitov_maxim@list.ru

Vakhitov Maxim Grigoryevich – Postgraduate, University of Law, Chelyabinsk State University (129, Brat'ev Kashirinyh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation), RSCI Author ID: 1223602, ORCID: 0009-0009-0043-155X, e-mail: vakhitov_maxim@list.ru